

В. В. Марчук

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ЗАКОННОСТИ В ПРОЦЕССЕ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Введение. Принципы уголовного права в действующем Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее – УК) нашли свое эксплицитное выражение в ст. 3: на нормативном уровне в УК закреплены принципы, которые являются основополагающими идеями как уголовного закона, так и уголовной ответственности. Назвав принципы таким образом, законодатель придал им в ст. 3 УК узкое, сугубо отраслевое значение. Среди данных принципов важное место занимает принцип законности.

В уголовно-правовой литературе принцип законности изучался многими авторами. О принципе законности писали Ю. А. Демидов [1], С. Г. Келина [2], В. Н. Кудрявцев [3], В. Д. Филимонов [4], Д. В. Кияйкин [5], В. В. Мальцев [6], О. В. Олейник [7], Е. Е. Чередниченко [8], М. А. Малыгина [9], М. В. Баранчикова [10] и др.

Сущность принципа законности и проблемы его реализации в литературе рассматривают в различных аспектах: криминализации, кодификации, правоприменительной практики. Поскольку квалификация преступления, предворяя решение вопроса об уголовной ответственности, связана с первой стадией реализации уголовно-правовой нормы, то в процессе квалификации преступления основополагающие идеи уголовного права проявляются в принципах уголовного закона.

В рамках настоящей статьи попробуем определить, какие требования законности следует соблюдать в процессе квалификации преступлений.

Основная часть. В УК Республики Беларусь дано достаточно развернутое определение принципу законности. На основе положений ч. 2 ст. 3 УК можно выделить следующие требования, которые выражают суть данного принципа в процессе квалификации преступлений:

- преступность деяния определяется только УК;
- применение уголовного закона по аналогии не допускается;
- нормы УК подлежат строгому толкованию;
- никто не может быть признан виновным в совершении преступления иначе как по приговору суда;

- признание виновным в совершении преступления осуществляется в соответствии с законом.

Классическая формула «*nullum crimen sine lege*» приобретает основополагающее значение на первой стадии применения уголовно-правовой нормы. В процессе квалификации преступления это важно для правоприменительной практики требование выражается в следующем: деяние может быть квалифицировано как преступление только в том случае, если совершенное общественно опасное деяние предусмотрено конкретной статьей Особенной части действующего УК. Если в совершенном деянии отсутствует хотя бы один признак, предусмотренный уголовно-правовой нормой, который характеризует это деяние как преступление определенного вида, то его нельзя отнести к деяниям, запрещенным уголовным законом.

Запрещенность деяния уголовным законом также означает, что при квалификации преступления недопустимо применять уголовный закон, вступивший в силу после совершения деяния, который ухудшает положение лица, совершившего это деяние. Данное требование принципа законности при квалификации преступления вытекает из положения, закрепленного в ч. 1 ст. 9 УК: «Преступность и наказуемость деяния определяется законом, действовавшим во время совершения этого деяния». Кроме того, в контексте квалификации преступления правоприменитель исходит из презумпции о том, что со времени опубликования соответствующего закона гражданин имел возможность ознакомиться с текстом этого закона.

Положение «преступность деяния определяется только УК» нуждается в уточнении относительно действия общепризнанных принципов и норм международного права. Согласно ст. 8 Конституции Республики Беларусь наше государство признает приоритет общепризнанных принципов международного права и обеспечивает соответствие им законодательства. Часть 3 ст. 1 УК определяет, что Уголовный кодекс Республики Беларусь основывается на общепризнанных принципах и нормах международного права. В этом смысле возникает вопрос: можно ли квалифицировать преступление по общепризнанной норме или принципу международного права?

Первое затруднение, которое возникает при решении этого вопроса, связано с самим понятием общепризнанных принципов и норм международного права. Следует полагать, что общепризнанные принципы и нормы – это те нормативные положения международных

договоров, которые признаны всеми государствами мира либо почти всеми. Можно говорить о том, что, например, Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. (вступил в силу для Республики Беларусь 23 марта 1976 г.) содержит ряд принципов, которые являются не только принципами национального уголовного закона, но и имеют статус общепризнанных: например, «Все люди равны перед законом» (ст. 26), «Каждый обвиняемый имеет право считаться невиновным, пока виновность его не будет доказана в суде согласно закону» (п. 2 ст. 14), «Никто не должен быть вторично судим или наказан за преступление, за которое он уже был окончательно осужден или оправдан в соответствии с законом и уголовно-процессуальным правом каждой страны» (п. 7 ст. 14), «Если после совершения преступления законом устанавливается более легкое наказание, действие этого закона распространяется на данного преступника» (п. 1 ст. 15) [11]. Однако есть основания полагать, что общепризнанные принципы международного права содержатся и в других международных договорах. Но знает ли правоприменитель все те международные договоры, в которых содержатся принципы международного права, имеющие характер общепризнанных и, следовательно, общеобязательных? Следует также отметить, что существуют международные договоры регионального характера, которые содержат важные положения-принципы для договаривающихся сторон, но которые не могут претендовать на «общепризнанность» в силу ограниченного круга участников соответствующего международного соглашения.

К сожалению, не вносит ясности по этому вопросу и законодательство о международных договорах Республики Беларусь. В части 2 ст. 15 утратившего силу Закона Республики Беларусь «О международных договорах Республики Беларусь» содержалось следующее положение: «*Общепризнанные принципы* (курсив мой. – Авт.) международного права и нормы международных договоров Республики Беларусь, вступивших в силу, являются частью действующего на территории Республики Беларусь права» [12]. Фактически это означало, что общепризнанные принципы имели прямое действие на территории Республики Беларусь. Однако в 2004 г. положение об общепризнанных принципах международного права из данного закона было исключено. В статье 33 действующего Закона Республики Беларусь «О международных договорах Республики Беларусь» идет речь лишь

о непосредственном применении норм права в международных договорах [13].

Между тем не совсем понятен и термин «общепризнанные нормы международного права». Дело в том, что международных договоров, подписанных всеми государствами, практически нет. Кроме того, государство может подписать, но не ратифицировать договор.

В уголовно-правовой литературе относительно квалификации преступления по общепризнанной норме международного права или на основе общепризнанного принципа международного права высказывались разные точки зрения. Российский исследователь О. Н. Ведерникова отвергает верховенство международного права над национальным уголовным законодательством и, таким образом, предрешает вопрос об исключении квалификации преступления со ссылкой на общепризнанную норму международного права. [15, с. 13–14]. Некоторые авторы допускают применение нормы международного права, в частности, при совершении военного преступления либо преступления против мира или безопасности человечества. Например, авторы отечественного учебника по Общей части уголовного права, очевидно, руководствуясь действовавшим на момент написания учебника положением ч. 2 ст. 15 Закона от 21 октября 1991 г. «О международных договорах Республики Беларусь» и ссылаясь на ч. 2 ст. 15 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г., отметили, что «как бы ни менялось национальное уголовное законодательство Республики Беларусь, преступность и наказуемость таких деяний, как преступления против мира, человечности и военные преступления, остаются неизменными» [16, с. 53]. Есть мнение о том, что общепризнанные нормы и принципы международного права могут иметь значение источников уголовного права применительно лишь к нормам Общей части Уголовного кодекса [17]. Этот подход имеет достаточно серьезное обоснование. Известно, что нормы международного права, устанавливающие соответствующие уголовно-правовые запреты не предусматривают конкретных санкций, а если и предусматривают, то в самом общем виде (напр., в международном договоре рекомендуется применять «суровые меры наказания»). В контексте квалификации преступлений интерес представляет обобщение судебной практики, которое было проведено в Российской Федерации по затронутой проблеме. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении су-

дами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» разъяснено: «Международные договоры, нормы которых предусматривают признаки составов уголовно-наказуемых деяний, не могут применяться судами непосредственно, поскольку такими договорами прямо устанавливается обязанность государств обеспечить выполнение предусмотренных договором обязательств путем установления наказуемости предусмотренных внутренним (национальным) законом» [18].

Российский исследователь Н. Ф. Кузнецова высказала мнение о том, что нормы международного права могут непосредственно использоваться в процессе квалификации преступления в случае декриминализации нормой международного права соответствующего преступления либо смягчения ответственности за деяния, ответственность за которые регламентируется Особенной частью УК. Однако автор при этом делает оговорку о том, что такого рода нормы международного права подлежат непосредственному применению, если они ратифицированы [19, с. 70].

Представляется, что к общепризнанным нормам международного права следует относить только те нормы международных договоров, которые вступили в силу и стали обязательными для Республики Беларусь и положения которых не требуют издания внутригосударственного акта для их применения. В этом смысле применение общепризнанной нормы международного права в процессе квалификации преступления возможно только при идентификации бланкетного признака соответствующего состава преступления. Так, ст. 129 УК предусматривает ответственность за производство, приобретение, хранение, перевозку, пересылку либо сбыт *запрещенных международными договорами Республики Беларусь* средств массового поражения, иных запрещенных средств ведения войны или составляющих к ним либо проведение исследований, направленных на изготовление или применение таких средств или составляющих к ним. В статье 134 УК установлена ответственность за применение оружия массового поражения, *запрещенного международным договором Республики Беларусь*. Статья 139 УК признает преступным умышленное использование *вопреки международным договорам* во время военных действий эмблем Красного Креста, Красного Полумесяца, или охранных знаков для культурных ценностей, или иных знаков, *охраняемых международ-*

ным правом, либо пользование государственным флагом или государственными отличиями неприятеля, нейтрального государства, флагом или знаком международной организации. В статье 315 УК криминализированы нарушения *правил международных полетов*. Предметом преступлений, ответственность за которые предусмотрена ст. 344–346 УК, могут быть особо ценные материальные историко-культурные ценности, под которыми согласно ч. 3 примечаний к главе 30 УК понимаются материальные историко-культурные ценности, которые включены или предложены для включения в Список всемирного культурного и природного наследия либо в *Список всемирного наследия*, находящегося под угрозой, а также материальные историко-культурные ценности, обладающие отличительными духовными, художественными и (или) документальными достоинствами, которые имеют *международное* или национальное значение.

В литературе предлагалось закрепить общепризнанные принципы и нормы международного права в специальном акте законодательства [14, с. 207]. Эта идея заслуживает внимания. Но представляется, что этот вопрос следует решать только для общепризнанных принципов международного права. Думается, что общепризнанные принципы международного права можно закрепить в специальном перечне, который следует оформить в качестве приложения к Уголовному кодексу.

Возникает вопрос и относительно применения норм Конституции при квалификации преступлений. Н. Ф. Кузнецова отмечает, что Конституция участвует в квалификации преступлений более всего при выборе уголовно-правовой нормы с точки зрения ее темпорального и территориального действия [19, с. 71].

Положения Конституции должны применяться, в частности при разрешении коллизий, существующих между нормативными правовыми актами, определяющими сферу уголовно-правового запрета в рамках бланкетной уголовно-правовой нормы. Показательным в этом смысле является возникнувшая несколько лет назад проблема квалификации совершения сделок между физическими лицами с ювелирными и бытовыми изделиями из драгоценных металлов, на которых отсутствовало пробирное клеймо Республики Беларусь или пробирное клеймо государственной инспекции пробирного надзора бывшего СССР. Инициированное по этому вопросу конституционное судопроизводство завершилось тем, что Конституционный Суд Республики Беларусь признал пп. 2.3 п. 2 Правил совершения сделок с драгоценными металлами и камнями, утвержденных постановлением Совета

Министров Республики Беларусь от 25 ноября 1999 г. № 1838, в части установления запрета на совершение сделок с ювелирными и бытовыми изделиями из драгоценных металлов, на которых отсутствуют государственное клеймо Республики Беларусь или пробирные клейма государственных инспекций пробирного надзора бывшего СССР, не противоречащим ст. 44 Конституции Республики Беларусь, а также ст. 210 Гражданского кодекса Республики Беларусь [20]. В литературе по этому вопросу была высказана иная точка зрения, которая обосновывает возможность непосредственного применения при уголовно-правовой оценке сделки с соответствующим изделием ст. 23 Конституции Республики Беларусь [21, с. 486].

Важное значение при реализации принципа законности в процессе квалификации преступлений имеет установленный уголовным законом запрет уголовно-правовой оценки совершенного деяния по аналогии. В истории уголовного права советского периода квалификация преступлений по аналогии уголовно-правовой нормы допускалась положениями первых советских кодексов. Такой подход в применении уголовного закона использовался в судебной практике до принятия Основ уголовного законодательства СССР и союзных республик 1958 г., которые, определив понятие преступления через признак уголовной противоправности, «табуировали» аналогию уголовного закона. Однако прямой запрет на аналогию уголовного закона был провозглашен лишь в ч. 2 ст. 3 действующего УК Республики Беларусь: «Применение уголовного закона по аналогии не допускается».

В правоприменительной практике соблазн квалифицировать содеянное по аналогии уголовного закона возникает при обнаружении пробелов в системе норм действующего УК, определяющих уголовно-правовые запреты. Запрет применения уголовного закона по аналогии в таком случае означает, что при наличии даже явного пробела в системе норм, предусматривающих ответственность за соответствующие деяния, квалифицировать содеянное по уголовно-правовой норме, распространяющей свое действие на сходные ситуации недопустимо.

Серьезную проблему для обеспечения принципа законности в процессе квалификации преступлений создают уголовно-правовые нормы, содержащие бланкетные признаки. Наличие уголовно-правовых норм с бланкетными признаками вызывает целый ряд проблем в квалификации соответствующего преступления.

Во-первых, широко распространенная в настоящее время конкретизация уголовно-правового запрета в нормативном правовом акте не уголовно-правового характера создает формальное противоречие с положениями ст. 1 УК и порождает проблему о круге источников уголовного права. Наличие в УК бланкетных уголовно-правовых норм фактически привело к тому, что вопрос о сущности и пределах уголовно-правового запрета фактически решается не законодателем, а иными органами государственной власти и управления. В литературе уже давно высказывались предупреждения о недопустимости превращения бланкетной уголовно-правовой нормы в «технический прием делегирования законодательных полномочий» [22, с. 183].

Во-вторых, многочисленность нормативных правовых актов, регламентирующих соответствующие правила поведения, при отсутствии их индивидуальной определенности в рамках бланкетного признака порождает непростую задачу по определению пределов уголовно-правового запрета. В некоторых уголовно-правовых нормах содержатся ссылки на целые отрасли законодательства (нарушение правил охраны труда (ст. 306 УК), нарушение правил охраны недр (ст. 271 УК) и др.).

В-третьих, как показывает правотворческая практика последнего десятилетия, в эти нормативные правовые акты очень часто вносятся изменения и дополнения. Такого рода нормативные корректировки порождают «плавающие» границы уголовно-правового запрета, что создает существенные проблемы в реализации положений о действии уголовного закона во времени. Применение уголовно-правовой нормы, обусловленной бланкетным признаком, предполагает соблюдение определенных требований [23, с. 132–133], что значительно усложняет процесс квалификации преступлений.

Процесс интенсивного и перманентного изменения норм действующего законодательства Республики Беларусь в судебной практике зачастую вызывает вопрос об изменении квалификации соответствующего преступления в силу необходимости соблюдения положений об обратной силе уголовного закона. Так, в последние годы исполнительной властью был инициирован процесс по сокращению запретительных или ограничительных мер в сфере экономической деятельности. Соответствующими нормативными правовыми актами было произведено сокращение перечня лицензируемых видов деятельности, перечня вещей, ограниченных или запрещенных к перемещению через таможенную границу, и др. Процесс либерализации в правовом

регулировании соответствующих общественных отношений затронул и многие нормы УК, содержащие бланкетные признаки (незаконная предпринимательская деятельность (ст. 233 УК), контрабанда (ч. 1 ст. 228 УК) и др.). Придание правомерности поведению, которое ранее попадало под признаки уголовно-правового запрета, порождает необходимость в пересмотре уголовно-правовой оценки соответствующего поведения на основании положений об обратной силе уголовного закона. Принятие иного решения в данном случае невозможно, поскольку положения об обратной силе уголовного закона должны соблюдаться неукоснительно. Согласно ч. 2 ст. 9 УК обратную силу имеет закон, который не только устраняет преступность деяния и смягчает наказание, но и *иным образом улучшает положение лица, совершившего преступление*. Игнорирование положений ч. 2 ст. 9 УК в данном случае будет являться прямым нарушением принципа законности и принципа равенства всех перед законом. Правильным в рассматриваемом аспекте является суждение российского ученого Н. И. Пикурова: «Уголовный закон предлагает собственную форму для нормативного материала других отраслей права. Этой формой является состав преступления. Войдя в структуру состава преступления, нормативный материал «подчиняется» принципам уголовного права» [24, с. 319].

На проблему применения бланкетных уголовно-правовых норм обращают внимание многие авторы, изучающие вопросы квалификации преступлений. Решение данной проблемы видится в двух направлениях правотворческого процесса. Во-первых, по возможности следует сокращать количество бланкетных норм путем конкретизации уголовно-правового запрета в норме УК. Во-вторых, поскольку полностью исключить бланкетные нормы из УК не представляется возможным, то следует согласиться с теми авторами, которые считают, что бланкетные нормы должны отсылать только к законам, а не к иным нормативным правовым актам [25, с. 245–246; 26, с. 72 и др.].

Поскольку процесс квалификации преступлений связан с выбором уголовно-правовой нормы, распространяющей свое действие на конкретный случай, то принцип законности имеет непосредственное отношение к вопросу толкования уголовно-правовой нормы. Реализация принципа законности в этом аспекте порождает достаточно острые проблемы относительно пределов судебного усмотрения, понимания терминов УК и восприятия оценочных признаков, содержащихся в уголовно-правовой норме.

Требование о строгом толковании уголовного закона, содержащееся в ч. 2 ст. 3 УК, в процессе квалификации преступления означает, что понимание и интерпретация признаков состава преступления должны осуществляться в точном соответствии с текстом уголовного закона. Это требование принципа законности по своей сути исключает возможность расширительного или ограничительного толкования уголовно-правовой нормы в правоприменительном процессе. Несомненно, что нормативное требование о строгом толковании уголовного закона направлено на обеспечение принципа законности в процессе применения уголовно-правовой нормы. Вместе с тем это требование выполнимо лишь в случае, если при создании уголовно-правовой нормы были соблюдены принципы криминализации и правила законодательной техники. В противном случае уголовно-правовая норма будет несовершенной. При строгом толковании несовершенной уголовно-правовой нормы мы можем прийти к абсурдному, с уголовно-правовой точки зрения, результату. Во избежание абсурдных результатов квалификации преступления правоприменительная практика вынуждена использовать приемы расширительного или ограничительного толкования уголовного закона. В таких случаях правоприменитель должен руководствоваться современными представлениями о понимании, которые формируются под воздействием нравственно-правовых принципов: общечеловеческой справедливости, равенства, гуманизма и др.

Реализация требования о строгом толковании уголовного закона затрудняется многочисленными проблемами, связанными с терминологией УК. Полисемичность и противоречивость некоторых терминов УК, отсутствие легальных определений многим терминам негативно влияют на реализацию принципа законности в процессе квалификации преступления, что требует принятия ряда мер по совершенствованию терминологии уголовного закона [27].

К оценочным признакам относят содержащиеся в уголовно-правовой норме признаки, которые не имеют в уголовном законе четкого выражения, определенности. Уяснение содержания оценочного признака во многом зависит от субъективных представлений лица, осуществляющего квалификацию соответствующего преступления. Наличие в уголовно-правовых нормах оценочных признаков порождает риски ошибок в квалификации преступления. Проявление таких

ошибок в правоприменительном процессе свидетельствует о грубом нарушении принципа законности.

В действующем УК, в отличие от ранее действовавшего уголовного законодательства, количество оценочных признаков существенно сокращено (введена отдельная статья – ст. 4 «Разъяснение терминов», в нормах УК дано легальное определение ущерба (размера, дохода) в крупном или особо крупном размере и др.). Вместе с тем, как показывает законодательный опыт конструирования уголовно-правовых норм, полностью избавиться от оценочных признаков объективно невозможно. Многие авторы, исследовавшие вопрос об оценочных признаках в уголовном праве, обоснованно высказываются за замену оценочных понятий формально определенными, разъясняя эти понятия путем легального их толкования [28, с. 101–103; 29, с. 12–13; 30, с. 20].

Позиция принципа законности о том, что «никто не может быть признан виновным в совершении преступления и подвергнут уголовной ответственности иначе как по приговору суда» обоснована положениями ст. 11 Всеобщей декларации прав человека [31]. Это положение дублируется в ст. 26 Конституции Республики Беларусь и развивается в иных положениях Конституции: о принадлежности судебной власти в Республике Беларусь судам (ст. 109), о независимости судей при осуществлении правосудия (ст. 110), об осуществлении правосудия на основе Конституции и принятых в соответствии с ней иных нормативных актов (ст. 112). Данное требование законности в большей части носит уголовно-процессуальный характер. Однако в аспекте квалификации преступления вынесение приговора суда означает, что окончательный вывод в результате квалификации определяется только судом.

Положение о том, что лицо признается виновным в совершении преступления только в соответствии с законом в контексте квалификации преступления предполагает: уголовно-правовую оценку совершенного деяния в рамках уголовно-правового отношения; признание преступления основанием уголовной ответственности; соблюдение правил квалификации преступлений, закрепленных уголовным законом.

Осуществление квалификации преступления в рамках уголовно-правового отношения выражается в следующем. Субъектами уголовно-правового отношения могут быть только физические лица: с одной

стороны, лицо, совершившее преступление, а с другой – уполномоченные представители органов правосудия. На первоначальном этапе разворачивающегося уголовно-правового отношения, вызванного фактом совершения запрещенного уголовным законом деяния, деятельность лиц, осуществляющих уголовное преследование, обусловлена решением задач по квалификации преступления. К полномочиям лиц, осуществляющих уголовное преследование, относится право и обязанность этих лиц дать верную уголовно-правовую оценку совершенному деянию, а основным правом лица, совершившего общественно опасное деяние, соответственно является право требовать правильной квалификации содеянного. При этом предметно-практическая деятельность лиц, осуществляющих уголовное преследование, и суда направлена на познание двух объектов уголовно-правового отношения: общественно опасного деяния, запрещенного уголовным законом, и лица, совершившего это общественно опасное деяние [32].

На верную уголовно-правовую оценку совершенного преступления оказывает влияние полнота и достоверность собранных данных по уголовному делу. Установление фактических обстоятельств дела осуществляется в рамках уголовно-процессуальных отношений. Этот процесс тоже должен соответствовать требованиям законности. Устанавливая фактические обстоятельства для обеспечения задач по правильной квалификации преступления, органы, ведущие уголовный процесс, должны стоять на страже законности и сами обязаны соблюдать требования законности. Стремление достичь задачи правосудия путем совершения действий в обход закона под эгидой целесообразности и достижения результата в выявлении преступления любой ценой является грубейшим нарушением принципа законности и ведет в конечном итоге к произволу. Нарушение принципа законности представителями органов, ведущих уголовных процесс, может стать самостоятельным основанием для квалификации противозаконного поведения как преступления против правосудия (привлечение в качестве обвиняемого заведомо невиновного (ст. 393 УК), принуждение к даче показаний (ст. 394 УК), фальсификация доказательств по уголовному делу (ч. 2 ст. 395 УК), незаконное освобождение от уголовной ответственности (ст. 399 УК), вынесение заведомо неправосудных приговора или иного судебного акта (ст. 392 УК) и др.) или соответствующего преступления против интересов службы.

Квалификация преступления осуществляется при наличии фактического и юридического оснований. В качестве фактического основания квалификации выступают установленные в уголовно-процессуальном порядке обстоятельства, указывающие на уголовно-противоправное деяние. Статья 10 УК Республики Беларусь предусматривает четыре разновидности уголовно-противоправного деяния: оконченное преступление, приготовление к совершению преступления, покушение на совершение преступления, соучастие в совершении преступления. Юридическим основанием квалификации преступления является уголовно-правовая норма, в которой описаны признаки преступления определенного вида. В теории уголовного права и судебной практике эти признаки называют признаками состава преступления.

В целях обеспечения принципа законности при квалификации преступлений в действующем УК законодатель закрепил ряд правил квалификации преступлений, придав им таким образом нормативный характер. Правила квалификации преступлений, предусмотренные УК, условно можно классифицировать на следующие группы:

- 1) правила квалификации единичного преступления в зависимости от оснований уголовной ответственности;
- 2) правила квалификации при множественности преступлений;
- 3) правила квалификации при конкуренции общей и специальной норм.

Первая группа правил квалификации преступлений обусловлена положениями ст. 10 УК. На основе этих положений можно выделить следующие подгруппы нормативных правил квалификации преступлений:

- 1) правила квалификации при оконченом преступлении;
- 2) правила квалификации при приготовлении к совершению преступления;
- 3) правила квалификации при покушении на совершение преступления;
- 4) правила квалификации при соучастии в совершении преступления.

Для квалификации оконченого преступления важное значение имеет определение момента его окончания. В частях 2 и 3 ст. 11 УК установлены общие правила в определении момента окончания преступления. Они определены законодателем в зависимости от того, связано ли преступление с наступлением последствий. Существенное влияние на квалификацию оконченого преступления оказывает вина,

формы и виды которой описаны в ст. 22–25 УК. С учетом принципа вины в ч. 2 ст. 37 УК сформулировано правило квалификации деяний при ошибке в наличии некоторых обстоятельств, исключающих преступность деяния.

Часть 3 ст. 13 и ч. 2 ст. 14 УК определяют общие правила квалификации приготовления к совершению преступления и соответственно покушения на совершение преступления.

Особое внимание законодатель уделил правилам квалификации соучастия в совершении преступления. Часть 7 ст. 16 УК объясняет лицам, ведущим уголовный процесс, как должны квалифицироваться деяния организатора, подстрекателя и пособника при соучастии с распределением ролей. В части 8 ст. 16 УК указывается на уголовно-правовую оценку неудавшегося соучастия. Часть 2 ст. 18 и ч. 4 ст. 19 УК ориентирует следственно-судебные органы на квалификацию деяний организаторов и иных участников организованной группы и преступной организации. Варианты квалификации преступления при исполнении приказа или распоряжения подразумеваются в ч. 1 и ч. 2 ст. 40 УК. Они же дублируются в ч. 3 примечаний к главе 37 УК применительно к воинским преступлениям. В Особой части УК предусмотрены и другие правила квалификации соучастия в преступлении: в развитие положений, указанных в ч. 2 ст. 18 и ч. 4 ст. 19 УК, часть вторая примечаний к разделу X УК определяет правило квалификации преступлений, совершенных в составе преступной организации или банды; в части второй примечаний к главе 37 УК – правило квалификации воинских преступлений, совершенных лицами, не являющимися военнослужащими.

К установленным законодателем правилам квалификации при множественности преступлений относятся нормативные предписания относительно уголовно-правовой оценки совокупности преступлений, порядка определения однородной повторности, правило квалификации повторности преступлений, не образующих совокупности.

В части 1 ст. 42 УК законодатель не только определил понятие совокупности преступлений, но и установил правило квалификации: «При этом лицо несет уголовную ответственность за каждое совершенное преступление по соответствующей статье настоящего Кодекса». Порядок применения уголовно-правовых норм уточнен законодателем применительно к преступлениям против интересов службы. Согласно ч. 1 примечаний к главе 35 УК должностное лицо, которое

использовало свои властные или иные служебные полномочия для совершения преступления, не названного в главе 35 УК, по общему правилу, несет ответственность по совокупности преступлений.

В части 2 ст. 41 УК содержится общее правило по определению однородной повторности преступлений, которое конкретизируется в соответствующих примечаниях или статьях Особенной части УК. Например, в ч. 2 примечаний к главе 24 УК дается определение повторного хищения.

Правило квалификации повторности преступлений, не образующих совокупности, закреплено в ч. 1 ст. 71 УК.

Важное значение для правоприменительной практики имеет нормативное предписание, закрепленное в ч. 2 ст. 42 УК. Правило квалификации при конкуренции общей и специальной норм нашло свое отражение и в ч. 1 примечания к главе 35 УК: «Правило о совокупности преступлений не применяется, если совершение должностным лицом преступления предусмотрено в качестве признака иного преступления».

Закрепление в УК некоторых правил квалификации преступлений, несомненно, свидетельствует о стремлении законодателя обеспечить принцип законности на первой стадии применения уголовного закона. Вместе с тем, далеко не все правила квалификации преступлений, применяемые в судебной практике, имеют законодательное определение. Кроме того, некоторые правила квалификации преступлений, непосредственно закрепленные в уголовном законе, требуют совершенствования.

Как показывает следственная практика, в период досудебного производства достаточно часто наблюдается явление, именуемое «квалификацией с запасом». «Квалификация с запасом» выражается в уголовно-правовой оценке содеянного по совокупности преступлений, когда содеянное следует квалифицировать как единичное преступление либо когда содеянное заведомо квалифицируется по норме УК, предусматривающей более строгую ответственность. «Квалификация с запасом» свидетельствует о неуверенности лица, осуществляющего уголовное преследование, относительно применения соответствующей уголовно-правовой нормы. В основе этой неуверенности лежит, как правило, незнание или плохое знание норм уголовного закона и правил квалификации преступления. Расчет лица, осуществляющего уголовное преследование, на вышестоящие право-

охранительные инстанции по поводу уточнения определенной им квалификации преступления в рамках процессуального правила о недопустимости поворота к худшему ведет к грубому нарушению принципа законности. Такого рода перестраховка является вариантом неправильной квалификации, которая может привести к существенному нарушению прав обвиняемого: может быть необоснованно применена более строгая мера пресечения, наложен арест на имущество, лицо может быть необоснованно отстранено от должности на период расследования и т. д.

Заключение. Изложенное позволяет сделать следующие выводы:

1. Практическое значение принципа законности на первой стадии применения уголовного закона выражается в том, что он, формируя основополагающие требования применения уголовного закона, является гарантией правильной квалификации преступления.

2. Общепризнанные принципы международного права усиливают значение национальных принципов уголовного закона, в том числе принципа законности в процессе квалификации преступлений. Для того чтобы круг общепризнанных принципов международного права был понятен и известен правоприменителю, его целесообразно закрепить в специальном перечне, оформленном приложением к Уголовному кодексу.

3. К общепризнанным нормам международного права следует относить только те нормы международных договоров, которые, во-первых, вступили в силу, стали обязательными для Республики Беларусь и, во-вторых, положения которых не требуют издания внутригосударственного акта для их применения. Общепризнанные нормы международных договоров в процессе квалификации преступления подлежат непосредственному применению лишь в тех случаях, когда соответствующая норма УК Республики Беларусь прямо устанавливает необходимость применения положения международного договора.

4. Нормы Конституции Республики Беларусь при квалификации преступления должны выполнять роль арбитра при разрешении коллизий, возникающих, в частности, между нормативными правовыми актами, которые определяют сферу уголовно-правового запрета в рамках бланкетной уголовно-правовой нормы.

5. Сокращение пределов уголовно-правового запрета вследствие либерализации правового регулирования определенной сферы общественных отношений должно учитываться при применении уголовно-

правовой нормы, обусловленной соответствующим бланкетным признаком. Игнорирование положений ч. 2 ст. 9 УК в таких случаях будет являться прямым нарушением принципа законности и принципа равенства всех перед законом.

6. Решение проблемы применения уголовно-правовых норм с бланкетными признаками должно осуществляться в двух направлениях правотворческого процесса. Во-первых, по возможности следует сокращать количество бланкетных норм путем конкретизации уголовно-правового запрета в норме УК. Во-вторых, поскольку полностью исключить бланкетные нормы из УК не представляется возможным, то следует согласиться с теми авторами, которые считают, что бланкетные нормы должны отсылать только к законам, а не к иным нормативным правовым актам. Такой подход будет соответствовать положению, закрепленному в ст. 97 Конституции Республики Беларусь.

7. Требования законности должны соблюдаться в деятельности правоприменительных органов по установлению фактических обстоятельств, имеющих уголовно-правовое значение по расследуемому делу. Соблюдение требований законодательства при сопоставлении собранных фактических данных с законодательной моделью преступления означает правильность квалификации. Верность квалификации создает предпосылки для законности в рамках реализации последующих стадий применения уголовного закона.

Список использованных источников

1. *Демидов, Ю. А.* Основные принципы советского уголовного права / Ю. А. Демидов // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 9 / редкол.: И. И. Карпец [и др.]. – М.: Юрид. лит., 1969. – С. 18–29.
2. *Келина, С. Г.* Принципы советского уголовного права / С. Г. Келина, В. Н. Кудрявцев. – М.: Наука, 1988. – 176 с.
3. *Кудрявцев, В. Н.* Принципы уголовного права / В. Н. Кудрявцев // Избранные труды по социальным наукам: в 3 т. / В. Н. Кудрявцев. – М.: Наука, 2002. – Т. 1: Общая теория права. Уголовное право. – С. 528–552.
4. *Филимонов, В. Д.* Принципы уголовного права / В. Д. Филимонов. – М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2002. – 139 с.
5. *Кияйкин, Д. В.* Уголовно-правовой принцип законности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Д. В. Кияйкин. – Саратов, 2001. – 21 с.
6. *Мальцев, В. В.* Принципы уголовного права и их реализация в правоприменительной деятельности / В. В. Мальцев. – СПб.: Пресс, 2004. – 694 с.

7. *Олейник, О. В.* Принцип законности и гарантии его реализации в уголовном праве Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / О. В. Олейник; Акад. права и упр. Минюста РФ. – Рязань, 2003. – 24 с.

8. *Чердниченко, Е. Е.* Принципы уголовного законодательства: понятие, система, проблемы законодательной регламентации: комплексное теоретическое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Е. Е. Чердниченко; Саратов. юрид. акад. – Саратов, 2006. – 30 с.

9. *Малыгина, М. А.* Принципы уголовного права: теория, законодательство и правоприменительная практика: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / М. А. Малыгина; Ростов. юрид. ин-т МВД России. – Ростов н/Д, 2007. – 26 с.

10. *Баранчикова, М. В.* Значение принципов уголовного права в борьбе с преступностью: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / М. В. Баранчикова; Рост. ун-т дружбы народов. – М., 2009. – 28 с.

11. О гражданских и политических правах: Международный пакт ООН, 16 дек. 1966 г., № 2200 // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1976. – № 17. – Ст. 291.

12. О международных договорах Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь от 21 окт. 1991 г.: текст по состоянию на 8 июля 1998 г. // Ведомости Национального Собрания Республики Беларусь. – 1998. – № 29–30. – Ст. 469.

13. О международных договорах Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь от 23 июля 2008 г. № 421-3 // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. – Минск, 2010.

14. *Коняхин, В. П.* Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права / В. П. Коняхин. – СПб.: Изд-во Пресс, 2002. – 450 с.

15. *Ведерникова, О. Н.* Международное уголовное право: проблемы имплементации / О. Н. Ведерникова // Уголовное право. – 2003. – № 3. – С. 12–15.

16. Уголовное право. Общая часть: учебник / Н. А. Бабий [и др.]; под ред. В. М. Хомича. – Минск: Тесей, 2002. – 496 с.

17. *Кибальник, А. Г.* Влияние международного уголовного права на российское уголовное право: автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.08 / А. Г. Кибальник. – М., 2003. – 45 с.

18. О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5 // Консультант Плюс: Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2010.

19. *Кузнецова, Н. Ф.* Проблемы квалификации преступлений: Лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / Н. Ф. Кузнецова: науч. ред. и предисл. академика В. Н. Кудрявцева. – М.: Изд. Дом «Городец», 2007. – 336 с.

20. О законодательстве, устанавливающим запрет на совершение сделок с ювелирными и бытовыми изделиями из драгоценных металлов, не имеющими государственного пробирного клейма Республики Беларусь или пробирных клейм государственных инспекций пробирного надзора бывшего СССР: решение Кон-

ституционного Суда Республики Беларусь, 16 февр. 2006 г. № П-180/2006 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «Юр-Спектр». – Минск, 2010.

21. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н. Ф. Ахраменка [и др.]; под ред. А. В. Баркова, В. М. Хомича. – 2-е изд., с изм. и доп. – Минск: ГИУСТ БГУ, 2010. – 1064 с.

22. *Нашиц, А.* Правотворчество. Теория и законодательная техника / А. Нашиц. – М.: Юрид. лит., 1974. – 255 с.

23. *Марчук, В. В.* Основы квалификации преступлений / В. В. Марчук // Правила регистрации, учета и квалификации преступлений: науч.-практ. пособие для следователей прокуратуры / Н. А. Бабий [и др.]; под общ. ред. Н. А. Бабия. – Минск: Тесей, 2008. – Гл. 3. – С. 119–148.

24. *Пикуров, Н. И.* К вопросу о границах системы уголовного права / Н. И. Пикуров // Системность в уголовном праве: материалы II Рос. конгресса угол. права, Москва, 31 мая – 1 июня 2007 г. / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова; редкол.: В. С. Комиссаров [и др.]. – М.: ТК Велби, Изд-во «Проспект», 2007. – С. 317–319.

25. *Гаухман, Л. Д.* Квалификация преступлений: закон, теория, практика / Л. Д. Гаухман. – 2-е изд., перераб. и дополн. – М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2003. – 448 с.

26. *Вобликов, А. Б.* Проблемы применения бланкетных норм Уголовного кодекса РФ / А. Б. Вобликов // Вестник Тверского государственного университета. – 2006. – № 6. – С. 64–73.

27. *Марчук, В. В.* Терминология уголовного закона и квалификация преступлений / В. В. Марчук // Право и демократия: сб. науч. тр. Вып. 18 / редкол.: В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2007. – С. 224–238.

28. *Коган, В. М.* Социальный механизм уголовно-правового воздействия / В. М. Коган. – М.: Юрид. лит., 1983. – 160 с.

29. *Питецкий, В.* Конкретизация оценочных признаков уголовного законодательства / В. Питецкий // Советская юстиция. – 1991. – № 2. – С. 11–13.

30. *Кострова, М.* Оценочная лексика в уголовном законе: проблемы теории и практики / М. Кострова // Уголовное право. – 2001. – № 2. – С. 18–20.

31. Всеобщая декларация прав человека: принята Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 10 дек. 1948 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2010.

32. *Марчук, В. В.* Объекты уголовно-правового отношения, порождаемого совершением общественно опасного деяния / В. В. Марчук // Законность и правопорядок. – 2010. – № 1. – С. 44–49.

Поступила в редакцию 27.05.2010 г.